

Человек И Мир В Рассказе Т.Толстой «На Золотом Крыльце Сидели...»

Исаева Юлия Павловна

преподаватель кафедры русской литературы и методики ее преподавания Джизакского государственного педагогического университета имени А.Кадыри, Узбекистан

Махмудова Наргиза Рустам кизи

студентка 4 курса факультета русского языка и литературы Джизакского государственного педагогического университета имени А.Кадыри, Узбекистан

ABSTRACT

В статье рассматривается художественное творчество Т.Толстой на примере рассказа «На золотом крыльце сидели...», исследуется конфликт между «детской необузданной фантазией, романтической мечтой о небывалом» и «глубоким ощущением неудачности жизни», который формируется сквозным для творчества Толстой мотивом разлада мечты и действительности.

ARTICLE INFO

Received: 10^h October 2022

Revised: 10th November 2022

Accepted: 14th December 2022

KEYWORDS: Толстая, детство, ребенок-герой, человек, мир, малая проза, «На золотом крыльце сидели...», конфликт

«На золотом крыльце сидели...» - дебютный рассказ Татьяны Толстой. Появившись в 1983 году в журнале «Аврора», он неизменно украшает практически все сборники прозы писательницы. В этом рассказе развиваются почти все основные темы и мотивы творчества Т.Толстой: детство и старость, иллюзии и действительность, человек и окружающий мир, связь прошлого с настоящим и будущим.

Рассказ открывается метафорой сада: «Вначале был сад. Все детство было садом» [I, с. 40]. В произведении не просто дается художественное описание детства, а само повествование ведется от первого лица - лица ребенка. Это позволяет читателям необычным образом посмотреть на происходящее, субъективировать собственные детские впечатления и переживания. Героями рассказа не ощущаются рамки мира, который представляется «без конца и края, без границ и заборов». Сознание ребенка избирательно. Оно выхватывает из общей картины жизни только самое интересное, запоминающееся: «на юг - колодец с жабами, на север - белые розы и грибы, на запад - комариный малинник, на восток - шмели, черничник, озеро, мостки».

Мир детства - это и особые интересы, отражающие любопытство, стремление познать окружающую действительность. Так, на даче ребята хоронят мертвого воробья, разрезают дождевого червя, разглядывают непонятные им пока «страшные» картинки в учебнике анатомии. Лирическая экспозиция контрастирует с началом основной части рассказа. Взрослые же играют в совсем другие «игры». Например, соседка старуха Анна Ильинична пытается накормить парным мясом кошку

Мемеку, хозяйка Вероника Викентьевна азартно торгует клубникой и ревниво охраняет свое садово-огородное хозяйство от упрямых посягательств некоторых дачников.

Показательно, что занятия взрослых лишены детской непосредственности, сопряжены с насилием, отражают безобразные стороны жизни.

Конфликт рассказа также многопланов и, по- своему, типичен для всего творчества Т. Толстой. Это столкновение внутренних переживаний главного героя - дяди Вани (явная пародия на чеховского героя!) - с его внешним, обыденным существованием. Это противоречие и реальных жизненных проблем, и наивных, но прекрасных детских представлений девочки-рассказчицы.

Дядя Паша представляется читателям воплощением «маленького, робкого, затюканного» человека, замкнутого в тесном мирке повседневности. С ним контрастирует образ жены Вероники Викентьевны, который постоянно гиперболизируется: «огромная белая красавица», «необъятная золотоволосая Царица». Она спит «на огромной кровати о четырех стеклянных ногах» [I, с. 42]. Но именно у дяди Паши, на наш взгляд, сохраняется по-детски незамутненное видение жизни. После нелюбимой работы в «прокуренном полуподвале» он торопится «в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной» [I, с. 42]. Вообще, невозможно не согласиться с тем, что взгляд ребенка - самый правдивый, его нельзя обмануть. Дети с самого начала понимают истинную сущность характера Вероники, которая представляется им «самой жадной женщиной на свете». В сцене разделки зарезанного ею тельца им справедливо видится «кошмар, ужас- холодный смрад- сарай, сырость, смерть» [I, с. 43] - первое знакомство с деталями реальной жизни, от которых надо бежать. Таким образом, уже в детстве человек постигает непонятную для них скрытую сторону, «изнанку» жизни. Куда же можно спрятаться от этого ужаса без начала и конца?

Одним из способов такого «бегства» в рассказе выступает мир вещей. Кажется, что через дом дяди Паши «призрачными шагами прошествовал караван верблюдов» и «растерял свою драгоценную поклажу».

Другая форма бегства от повседневной жизни в рассказе - погружение в сон, который «уносил дядю Пашу в страну утраченной юности, в страну несбывшихся надежд» [I, с. 43], в контексте рассказа этот сон - преддверие смерти. Наконец, еще один способ противостоять миру обыденности - произвести внешние изменения в жизни. Дядя Паша приглашает в дом Маргариту – сестру умершей Вероники, убирает злого желтого пса от калитки, пускает в мансарду дачников. Однако все эти способы оказываются ложными и вызывают авторскую иронию. Так, мир человеческих чувств поглощается миром вещей, в котором они теряются, забываются, обесцениваются. И вот уже «багдадская поклажа» вещей в доме дяди Паши оборачивается «ветошью и рухлядью». Девочка-рассказчица взрослеет и начинает понимать, что все сокровища этого дома - «пыль, прах и тлен». Недоумение, как же все это «пело и переливалось, горело и звало» сменяется неутешительным признанием власти времени.

Подобная идея вообще типична для прозы Толстой. Например, в ее рассказе «Соня» пачка писем героини за «буфетами, гардеробами и шкапами» вдруг исчезает непонятно куда, как будто их и не было никогда. Однако произведенные преобразования все же не спасают дядю Пашу от тоски и ощущения конца жизни, потому что все в жизни стареет или возвращается на прежние места: «сгорбилась Маргарита» и «вышел из сундука желтый пес». Сон также не позволяет герою вырваться с замкнутого жизненного круга. Когда дядя Паша засыпал на своей огромной кровати, неизменно «возвращалась Вероника Викентьевна... и отдавливала ему маленькие теплые ножки» [I, с. 44]. Сон героя превращался в символический сон души, бессмысленное существование в мире повседневности. И напрасен был голос судьбы: «...Эй, проснись, дядя Паша! Вероника-то скоро умрет» [I, с. 44], не слышит герой этот голос.

Таким образом, герой живет в страшном замкнутом мире. Он жалок и ничтожен перед лицом судьбы. Эта же идея также звучит во многих других рассказах Т. Толстой. «Маленький, маленький, одинокий... по ошибке пришел ты в этот мир!» [I, с. 86]. - восклицает писательница в рассказе «Ночь». Образ ветра возникает и в рассказе «На золотом крыльце сидели»: «...на холодном ветру разождем озябший кулак- что, кроме горсти сырого песка, унесли мы с тобой?» [I, с. 48]. -

спрашивает саму себя и читателя героиня рассказа. При этом за персонажами этого, близкого к традиции сказок, жестко закреплены их роли, как и во многих других рассказов Толстой.

Само название «На золотом крыльце сидели...» и эпиграф к рассказу указывают на отношение к детской считалке-жанру, в котором обыгрывается идея своеобразного распределения жизненных ролей героев. При чтении рассказа возникает впечатление, что образы его главных героев неоднозначны, постоянно раздваиваются в эмоциональном плане. Например, Вероника ассоциируется с двумя противоположными образами - старухи из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Спящей красавицы». Дядя Паша - «маленький человек» и одновременно «царь Соломон» [II, с. 82]. Однако время уравнивает всех людей в этой жизни, а смерть примиряет противоречия между ними. Так, у Толстой умирают и Вероника, и ее муж. Дядя Паша живет в мире своих снов и мечтаний. Играющий Лунную сонату, он сравнивается с «халифом на час». Это роднит его с персонажем другого рассказа «Факир». Но в обоих произведениях изображается крушение сказочного мира фантазий, звучит идея о том, что величие человека мимолетно и призрачно. Эта мысль возникает и в рассказе «Пламень небесный», главный герой которого - Коробейников – был отвергнут компанией дачников из-за неудачной и глупой шутки одного из них.

Таким образом, писательница подводит читателя к мысли о хрупкости человеческой жизни. Но если в «Пламени небесном» показана зыбкость положения человека в мире людей, то рассказ «На золотом крыльце сидели...» иллюстрирует идею непостоянства самого существования человека, его призрачного состояния в чуждом, неродном для него мире. Отсюда в рассказе возникает символический образ цепи, который, кстати, тоже очень часто повторяется творчестве в Т.Толстой, символизируя несвободу человека.

Одно из значений образа цепи - всеобщая связь событий и явлений жизни. Человек постоянно движется по кругу, поэтому и «перетирается цепь» жизни дяди Паши, которая «все торопливее меняла стекла в волшебном фонаре». Старость застаёт героя врасплох: «Осень вошла к дяде Паше и ударила его по лицу... Постой, ты что же, всерьез?» [I, с. 47] Можно ли разомкнуть эту цепь и вырваться из замкнутого круга судьбы?

Некоторым героям Толстой это удастся, например, Пипке из рассказа «Огонь и пыль». Другие ее герои пытаются «разорвать цепь», но терпят поражение. Например, Игнатъев в рассказе «Круг» думает: «Волшебными ножницами я разрежу заколдованное кольцо и выйду за предел» [I, с. 88]. Но авторская ирония над героем демонстрирует невозможность избавления таким примитивным способом от связей этого мира. С другой стороны, цепь - символ духовной несвободы человека, его зависимости от людей и обстоятельств. В связи с этим в рассказе возникает образ «драгоценных часов с ненашими цифрами и змеиными стрелками» [I, с. 45]. Но для героев произведения Толстой оказывается невозможным остановить время. Тщетны усилия состарившегося дяди Паши завести часы, и «над стеклянной циферблатом, в стеклянной комнатке съжились маленькие жители...» [I, с. 48]. Подобно тому, как в рассказе «Круг» жена «выковывала цепь, чтобы Василий Михайлович не мог уйти» [I, с. 66], дядя Паша оказывается привязанным к своей Веронике. Но если Василий Михайлович «перегрыз цепь и убежал от Евгении Ивановны», то дядя Паша из-за нерешительности не смог этого сделать.

Наконец, цепь, символизирует семейные узы, преемственность поколений. Это значение образа цепи, очень наглядно объясняется в другом рассказе Т. Толстой- «Спи спокойно, сынок»: «Крепко взявшись за руки, цепь предков уходит вглубь, погружаясь в темный студень времени» [I, с. 134]. Дяде Паше тоже не удалось этого сделать. Он замерз на крыльце своего дома: «не смог дотянуться до железного дверного кольца и упал лицом в снег» [I, с. 48], будто искупив свой грех жизни. Дяде Паше не позволили присоединиться к предкам Маргарита и ее дочь, которые не похоронили его по-человечески, а поставили жестяную банку с его прахом в пустом курятнике. Однако «белые морозные маргаритки выросли между его одеревеневшими пальцами...» [I, с. 48]. Возможно, это намек на то, что скоро и «согнутая годами пополам» Маргарита покинет мир. И тогда «золотая Дама Времени, выпив до дна кубок жизни, простучит по столу для дяди Паши последнюю полночь...» [I, с. 48]. Иллюзии к концу жизни разбились.

Литература

1. Толстая Т. Н. «На золотом крыльце сидели...». Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 192.
2. Маклова Е.В. Конфликт иллюзии и реальности в творчестве Т. Толстой. Материалы XXX зональной конференции литераторов Поволжья. Самара, Издательств СГПУ, 2006 г. С. 305.